DOI: 10.25515/PMI.2017.5.603

УДК 908:[950.85+304.444]

ГОРНОПРОМЫШЛЕННАЯ ПРОВИНЦИЯ: ДИСКУРС ПАМЯТИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

С.А.РАССАДИНА
Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия

Феномен промышленной провинции представляет особый интерес для культурологического анализа, поскольку реалии постиндустриального общества девальвируют образы прогресса, порожденные индустриальной эпохой, что ведет к системному кризису культурных смыслов, определяющих имидж региона и культурную самоидентификацию его жителей. Цель исследования состояла в установлении особенностей культурной репрезентации исторического наследия горнопромышленных регионов. Была проанализирована роль индустриальных образов в современной культуре, рассмотрены актуальные практики освоения индустриального наследия, изучены в историческом ракурсе процессы конструирования культурной идентичности, сопутствовавшие развитию российской индустриальной провинции, выявлены стереотипные образы и дискурсивные модели. Исследование проводилось на материале краеведческой литературы, публикаций в СМИ, музейных коллекций и частных интервью. Для интерпретации собранного историко-культурного материала использован комплексный культурологический подход, основанный на методологических принципах семиотики культуры и дискурсивного анализа.

***Ключевые слова*:** индустриальные города, региональная идентичность, историческая память, краеведение, брендинг территории (региона)

***Как цитировать эту статью*:** Рассадина С.А. Горнопромышленная провинция: дискурс памяти и региональная идентичность // Записки Горного института. 2017. Т. 227. С. 603-607. DOI: 10.25515/PMI.2017.5.603

Введение. Выбор конкретной темы исследования, по результатам которого написана данная статья, обусловлен несколькими факторами. Прежде всего нужно отметить актуальный запрос на разработку региональных брендов, что подразумевает предварительное изучение особенностей сложившейся локальной идентичности в зависимости от исторической и экономической специфики региона. Опыт педагогической деятельности в стенах Горного университета побуждает задуматься об актуальных формах восприятия индустриального наследия отечественной культуры и о влиянии локального исторического дискурса на мотивацию будущих представителей технических профессий. Соответственно, в фокусе внимания оказались регионы с добывающей и перерабатывающей промышленностью, входящие в сферу интересов Горного университета.

Обсуждение. В культуре XIX-XX вв. прогресс отождествлялся с промышленным развитием; в условиях постиндустриального общества мы наблюдаем смещение смысловых акцентов. Индустриальные пейзажи становятся узнаваемой чертой постапокалиптической эстетики. Заброшенные индустриальные объекты привлекают фотохудожников, кинематографистов и представителей субкультур. Характерным феноменом современной культуры является глобальное увлечение «индустриальным туризмом». Данное понятие обозначает один из видов субкультурных «городских исследований» (англ. *urbanexploration*), предметом особого интереса являются заброшенные предприятия и города-призраки. Посещение подобных мест на постсоветском пространстве связано с субкультурой сталкерства [3].

Однако, несмотря на то, что многие объекты, некогда олицетворявшие индустриальную мощь, в наши дни стали сценой для художественных проекций воображаемых постапокалиптических миров, реальный сектор экономики продолжает функционировать, что требует привлечения новых ресурсов: человеческих, интеллектуальных, семиотических. Целесообразно поставить вопрос о том, каковы актуальные культурные стратегии, способствующие формированию общекультурного представления о живой индустрии.

Наряду с субкультурным «индустриальным туризмом» существует институциональный «промышленный туризм» (экскурсионное посещение предприятий). Концепция «промышленного туризма» ориентирована на среднего носителя культуры, не специализирующегося в конкретной области индустрии. Показательно, что в глобальном списке предприятий, предлагающих познакомиться с производством, преобладают компании, заинтересованные в привлечении непосредственных потребителей своей продукции. В таком ключе элементы индустриального туризма ис-

DOI: 10.25515/PMI.2017.5.603

пользовались организаторами ежегодной «Бриллиантовой недели» в Якутии. В 2016 г. в экскурсионную программу входили прииск «Ирелях» Мирнинского ГОКа, Музей кимберлитов, историко-производственный музей ОАО АК «АЛРОСА», кимберлитовая трубка алмазного карьера «Мир».

Промышленный туризм может рассматриваться и как средство повышения интереса к индустриальным профессиям. В недавней публикации в одном из уральских СМИ именно в таком аспекте активно обсуждаются перспективы развития данной сферы в России. Широкой публике в старейшем горно-добывающем регионе страны пока предлагают только промышленно-исторический туризм, т. е. посещение объектов, уже не функционирующих по прямому назначению. Исключение – Группа ЧТПЗ, которая с 2010 г. проводит массовые экскурсии в действующие цеха трубопрокатного завода. Однако другие предприятия организуют профориентационные экскурсии для школьников, рассматривая промышленный туризм как средство «развеять миф о том, что заводы современной России работают по устаревшим технологиям»[1].

Существование успешных проектов в сфере промышленного туризма указывает на область, в которой может осуществляться кристаллизация смыслов, определяющих культурную идентификацию современной индустриальной провинции. Д.В.Визгалов в монографии «Брендинг города» говорит о важности для современного общества «экономики впечатлений». Он полагает, что на основе «экономики впечатлений» могут быть найдены эффективные решения даже для умирающих индустриальных городов [3, с.134-135] (подтверждением этому является активность и мобильность искателей постапокалиптических образов). Д.В.Визгалов также говорит о «рынке городов», где в качестве потенциальных потребителей выступают не только туристы («внешние потребители»), но и местные жители («внутренние потребители»), что особенно актуально в условиях депопуляции и возрастающей необходимости бороться за население. Автор считает целесообразным наряду с решением социально-экономических задач работать над брендом города, учитывая роль «экономики впечатлений». По мнению автора, это особенно важно для индустриальных городов, поскольку индустриальная провинция России отличается удручающим однообразием, «причем проблема […] одинаковости – это не столько проблема внешнего облика городов, сколько проблема восприятия жителями мест своего обитания» [3, с. 30]. Поэтому важнейшим элементом работы над концепцией локальной идентичности становится поиск «тематической ниши» – отличительного комплекса узнаваемых образов, концептов, сюжетов, посредством которых можно выразить локальную идентичность, подчеркнуть ее своеобразие, а также представить ее привлекательной для целевой аудитории.

Обратимся к краеведческому материалу для того, чтобы установить, какими смысловыми ресурсами для формирования локальной идентичности располагает индустриальная провинция на сегодняшний день. Мы намеренно исключим из рассмотрения старейшую «горно-заводскую цивилизацию» Урала, поскольку ее характеризует отчетливое историческое самосознание, динамичное развитие которого достаточно полно отражено в изданиях последних лет [5, 6]. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают специализированные промышленные города, возникшие в XX в. В частности, потому, что их создание сопровождалось целенаправленным формированием исторического дискурса и проработкой культурной идентичности [8].

Значимой особенностью исторического дискурса, отраженного в исследованных материалах, является выстраивание временного вектора по вехам, ведущим от «абсолютного нуля» индустриализации к современности: за «точку отсчета» принимается начало изысканий, первые производственные опыты, решение о строительстве градообразующего предприятия. Дальнейшая история типичного индустриального региона предстает как развитие промышленного освоения края: на векторе времени отмечается приход первого поезда, возведение первого дома, пуск первой очереди производства и т. д.

Реалии, относящие к «доиндустриальной» эпохе, не детализируются, и, как следствие, закладывается фундаментальный парадокс локального исторического сознания: региональная идентичность в целом формируется вне связи с местной этнокультурной традицией. Вот как представлено появление на Кольском полуострове города Мончегорска, построенного в 1930-х гг. при медно-никелевом комбинате: «Более полувека отделяет современный многоэтажный Мончегорск, красивейший город Заполярья, от первых палаток и времянок первопроходцев и геологоразведчиков населенного пункта Монча-губа Кольско-Лопарского района» [10, с.5]. По-

DOI: 10.25515/PMI.2017.5.603

добным же образом строительство Кировска при апатито-нефелиновых рудниках в Хибинах представлялось как возведение города в безлюдной местности Русской Лапландии, осенью 1932 г. газета «Хибиногорский рабочий» писала: «Край непуганой птицы, пустынную, дикую, безлюдную тундру превращаем на основе генеральной линии партии в индустриальный центр, в форпост будущего бесклассового общества» [9, с.26].

Идеологический дискурс эпохи индустриализации, отразившийся в последнем фрагменте, узнаваем и достаточно хорошо изучен. Однако заслуживает особого внимания то обстоятельство, что структура этого дискурса фундировала структуры коллективной памяти и стала воспроизводиться в краеведческой литературе. И хотя дневниковые записи и мемуары первопроходцев свидетельствуют об интенсивных контактах с исконным населением края, а в наши дни старожилы охотно делятся воспоминаниями о лапландских праздниках, свидетелями которых они были в детские годы, этнографическая тематика не была представлена в музеях Мончегорска и Кировска и не стала значимой темой исторического нарратива.

Важно показать, что идея «исторического нуля» не связана с культурным отторжением этнического «иного», но является принципиальной составляющей индустриального дискурса советского периода. С этой целью мы рассмотрим пример индустриального города, построенного на территории, издавна освоенной русским населением. Корреспондент газеты «За коммунистический труд» в январе 1962 г. вдохновенно описывал строительство в Ленинградской области нефтеперерабатывающего завода и нового города при нем: «Как было в Киришах год назад? Пустынно, безлюдно. Но однажды из поезда вышла первая, маленькая горстка людей – тех, кому предстояло воздвигнуть этот город…». И хотя экспозиция местного музея и музейные публикации содержательно отражают доиндустриальную историю региона (начиная с археологических находок Старой Ладоги), образ «нового рождения» акцентируется анафорой: «Первая школа, первый дом, первая столовая, первый садик… Все в этом городе было тогда впервые» [7, с.101].

В дискурсе индустриализации широко используется универсальный образ «нового человека» советской эпохи, благодаря чему из сферы коллективной памяти оказываются исключены противоречивые исторические реалии, сопровождавшие формирование индустриальной провинции. Этот образ очищен от социальных характеристик, которые могли бы напомнить о разнородном контингенте строителей, их индивидуальных судьбах, в частности, о том, что некоторые промышленные города рождались за колючей проволокой и обживались спецпереселенцами. Нейтрализация социальных и этнических отличий, их снятие в вознесенном над обыденностью собирательном образе «нового человека» позволили сформировать исторический дискурс, воспроизводимый информантами как общепринятый, вопреки диссонирующим индивидуальным нарративам.

Доминантой региональной идентичности становится идентичность профессиональная: в газетном языке фигурируют «города металлургов», «города нефтяников», «города шахтеров». Важную роль в репрезентации истории играет собирательный образ «зачинателя»: геолога, строителя, металлурга и т. п., положившего начало промышленной жизни края. Этот образ получает героизированное воплощение в городских монументах. «Адам» индустриализации обычно олицетворяет собой силу и упорство – качества, дающие ему право возобладать над «дикостью» края и, преодолев сопротивление, которое только увеличивает ценность победы, придать натуре потребную культурную форму. Такой тип культурного героя, характерный для индустриальной городской среды XX в., востребован и в XXI в. В 2003 г. был открыт монумент «Память шахтерам Кузбасса», замысел которого скульптор Эрнст Неизвестный определил так: «Этот монумент не жертвам. Самоотверженный, жертвенный труд? Да. Но главный пафос здесь – сопротивление. Героика тяжелейшего и опаснейшего труда, который не зря приравнивают к ратному» [11]. Наиболее современный памятник такого рода был открыт в 2016 г. в Сургуте и представляет собой скульптурную композицию в виде символического нефтяного фонтана, вокруг которого размещены 11 фигур – представители разных профессий; надпись на монументе гласит: «Трудовому подвигу поколений нефтяников Сургутнефтегаза».

Однако преемственность художественных образов не означает преемственности исторического дискурса в целом. В конце XX в. победный дискурс титанического преобразования природы все более вытесняется экологическим дискурсом, окрашенным тревожными апокалиптическими нотами. При этом основание для развития эсхатологических мотивов заложено в самом

DOI: 10.25515/PMI.2017.5.603

принципе привязки исторического нарратива к жизни градообразующих предприятий. Угроза исчерпания ресурсов, пусть даже отдаленная, предвещает смерть города. К тому же глобальные экономические и культурные изменения, соотносимые в зарубежной литературе с понятием «постфордизм» [15, с.15], в России совпали с политическими и экономическими реформами 1990-х гг. Промышленные регионы столкнулись с ощущением «конца истории», особенно ярким в силу того, что сложившийся в индустриальную эпоху идеальный поэтический образ вечно молодого города, непрестанно растущего и обновляющегося, вступил в диссонанс с реальными образами городского пространства. Если в ином культурном контексте ветхость может эстетически восприниматься как свидетельство глубины истории, то в случае с индустриальными городами поэтика созидания претворяется в дискурс утраты социалистического рая и апокалиптические предчувствия.

Интересным примером художественной рефлексии, отражающей актуальный эмоциональный срез, является документальный проект «Невидимые города» – продолжающаяся серия выставок фотографических работ. Этот проект рассказывает о жизни в российских моногородах, выросших вокруг крупных предприятий (Пикалево, Сатка, Асбест и другие). «В советское время, – пишут авторы проекта, – любой рассказ об индустриальных городах был иллюстрацией строительства нового мира, а сейчас, когда «светлое будущее» осталось позади, эти территории остались без внимания» [12]. Показательно, что речь идет не только об экономических трудностях, но и об отсутствии языка, позволяющего артикулировать собственное существование в условиях изменившегося культурного дискурса. И так же как урбанист Д.В.Визгалов, создатели проекта «Невидимые города» ставят на первое место проблему однообразия, отсутствия индивидуального лица. Фотохудожники рассчитывают на то, что авторское видение позволит «открыть за внешней монотонностью по-своему ценную реальность, которая обладает своим потенциалом развития» [12].

Подобные проекты имеют практическую ценность, если рассматривать их с точки зрения упомянутой «экономики впечатлений». С культурологической точки зрения проект «Невидимые города» интересен еще и тем, что в поисках нового языка для презентации индустриальной провинции авторы сосредотачивают свое внимание на различных аспектах повседневности и «человеческих историях», воплощающих индивидуальные жизненные сценарии. О.В.Беззубова в статье, посвященной репрезентации городского наследия в современной культуре, связывает высокий интерес к городской повседневности с неудовлетворенностью официальным дискурсом [2, с.337]. При этом О.В.Беззубова опирается на идеи Г.Каванах об индивидуальных образах истории (histories), связанных с личным или коллективным опытом прошлого (memories) и отличных от производимого институциями официального исторического дискурса (history) [14]. Ситуация с промышленными городами интересна именно тем, что до настоящего времени история представима только в структурах идеологизированного дискурса индустриального развития, который не всегда адекватен современным реалиям. Соответственно, существует необходимость в каком-то семиотическом катализаторе, который мог бы активизировать индивидуальные исторические высказывания, дать право голоса тем воспоминаниям, которые проявляются в ходе индивидуальных интервью, но в силу своего повседневного, личностного содержания не соотносятся с монотематическим индустриальным нарративом.

Заключение. Подводя итоги, отметим недостатки исторического дискурса предыдущей эпохи: 1) он единообразен и не позволяет сформировать представление об уникальной культурной ценности; 2) он стереотипизирует исторические представления, вынуждая игнорировать нюансы индивидуальной памяти; 3) он ограничен паттерном сотворения мира и не содержит смысловых ресурсов для отображения дальнейшего развития, необходимость изменений воспринимается как крах фундаментального культурного проекта. Как следствие, этот дискурс не способен пластично откликаться на вызовы настоящего. Можно встретить в современной публицистике механически воспроизводимые клише индустриальной эпохи, но они выражают лишь ностальгию по ушедшим культурным моделям и не позволяют отразить актуальные процессы в тех областях, где продолжается развитие индустрии.

Мы приходим к выводу, что в настоящее время в отечественной культуре существует запрос на многоплановый дискурс, который позволял бы репрезентировать индустриальные реалии постиндустриального мира. Отчасти такой подход пытаются воплотить в рамках корпоративной

DOI: *10.25515/PMI.2017.5.603*

культуры некоторые компании [13]. В таком контексте на смену патетике «героического преодоления» приходит логика «эффективных решений». Однако репрезентация индустриального наследия важна не только в контексте корпоративной культуры и профориентационной работы. Эстетический интерес к техногенным ландшафтам, существование субкультурного «индустриального туризма» и развитие общедоступного «промышленного туризма» свидетельствуют о том, что индустриальная тематика аттрактивна и может быть использована в «экономике впечатлений». Насущная культурологическая задача состоит в создании нового культурного дискурса индустриальной провинции, который может быть представлен в форме художественной рефлексии, медийного контента, популярных образовательных проектов и т.д. Такой дискурс должен способствовать формированию нового образа индустриальных регионов, которым необходима возможность позиционировать себя не только в терминах сохранения (или утраты) индустриального наследия советской эпохи, но и в терминах актуальных реалий, представляющих ценность для современной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белоусов А.* Турист в каске // Эксперт Урал. 27.11.2016. № 28 (652). URL: http:// expert.ru/ural/ 2015/28/turist-v-kaske/ (дата обращения 30.11.16).

2. *Беззубова О.В.* Репрезентация городского наследия в «новых медиа»: к постановке проблемы // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: Сб. науч. трудов / Национальный минерально-сырьевой университет «Горный». СПб, 2015. С. 334-338.

3. *Боева Г.* Трансформация феномена сталкерства в постсоветском культурном пространстве // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации: Сб. статей. СПб, Ольштын: Изд-во Невского института языка и культуры, 2009. Вып. 1. С. 149-156.

4. *Визгалов Д.В.* Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.

5. Города-заводы / Г.Н.Чагин, Г.П.Головчанский, А.В.Шилов, А.Ф.Мельничук. Пермь: Книжный мир, 2014. 528 с.

6. *Иванов А.В.* Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ, 2014. 283 с.

7. История города Кириши и района / Сост. В.В.Седлова; ред. М.В.Двоеглазова, Т.Н.Соболева, Т.А.Елисеева. Кириши: Киришский историко-краеведческий музей, 1995. 186 с.

8. *Кириленко С.А.* Индустриальная провинция: хронотоп памяти // Studia Culturae. 2005. № 8. С. 75-83.

9. Летопись событий города Хибиногорска // Живая Арктика. Историко-краеведческий альманах, 2001. № 1 (21). Эпоха Хибин. С. 4-66.

10. *Лукичев Ю.С.* Город в красивой тундре. Мурманск: Север, 1993. 110 с.

11. Монумент «Память шахтерам Кузбасса» // Красная горка. Музей-заповедник. URL: http://www.redhill-kemerovo.ru/O_muzee_Pamyatniki_muzeya_Monument_Pamyat_shahteram_Kuzbassa. htm (дата обращения 30.11.16).

12. Невидимые города (сайт проекта). URL: http://www.mdfschool.ru/events/all/hidden_cities/ (дата обращения 30.11.16).

13. *Сергеев С.В.* Использование возможностей корпоративного музея ПАО «Лукойл» в образовательном процессе российских вузов // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: Сб. науч. трудов / Национальный минерально-сырьевой университет «Горный». СПб, 2015. С. 362-366.

14. *Kavanagh G.* Making histories, making memories // Making histories in museums. London, New York: Leicester University Press, 1999. P. 1-14.

15. *Kumar K.* From post-industrial to post-modern society: New theories of the contemporary world. Malden, Oxford, Carlton: Blackwell Publishing, 2005. 304 p.

***Автор* С.А.Рассадина,** *д-р философ. наук*, *профессор*, *rassadina@spmi.ru* (*Санкт-Петербургский горный университет*, *Санкт-Петербург*, *Россия*).

Статья принята к публикации 16.02.2017.